Тонкий тающий след

Автор:
Наталья Лирник

Тонкий тающий след

Наталья Лирник

Исцеляющая проза #1

Она отказалась от своего дара, чтобы обеспечить благополучие близких. Но жизнь не прощает подобных жертв: взамен таланта у нее появился порок, заставляющий жить в вечном страхе разоблачения.

Судьбы героев причудливо переплетаются, пока каждый из них ищет свой путь к счастью. Как сохранить самое главное, когда близкие уходят навсегда, любимые лишают поддержки, а роковая слабость заставляет совершить преступление? Как увидеть тонкий тающий след, который выведет к свету?

Наталья Лирник

Тонкий тающий след

© Лирник Н., 2020

© ООО «ЛитРес», 2022

© ООО «Яуза-каталог», 2022

* * *

Моей маме, моей дочери Арине и моим драгоценным подругам

Я иду по ковру.

Ты идешь, пока врешь.

Мы идем, пока врем.

Вы идете, пока врете.

Старинная грамматическая шутка

Глава 1

Рано или поздно все узнают. Все рухнет, и она ничего не сможет с этим поделать.

Мягкая желтая игрушка в кепке как у Шерлока Холмса смотрела на Надю тупым веселым взглядом. «Пикачу Детектив, 20 см, цена 550 руб.», – сообщила этикетка. О господи, он еще и детектив. Вот мерзость-то. Она почувствовала, как холод пробирается по спине и ощутила запах сгоревшего масла – откуда он здесь?

Сзади раздраженно засигналили. Надя бросила игрушку на пассажирское сиденье, сжала руль ледяными пальцами и, тронув педаль газа, услышала урчание двигателя. Нервным движением подтянув шарф потуже, она поехала к выезду с заправки.

Может, вернуть? Замешательство длилось всего пару секунд. Нет, невозможно. Лучше вообще не соваться, а то еще поймают при попытке положить это на место. Это же надо было – украсть покемона! Да еще на заправке, где она бывает дважды в неделю… Надя поджала губы и излишне резким движением направила машину в плотный поток.

* * *

Зима, слава богу, кончилась, но весна ей на смену не спешила. Мокрая, серая и какая-то растерянная, Москва ждала, когда исчезнут с улиц неряшливо огороженные снежными валиками разнокалиберные лужи – а пока поставляла горожанам стандартные порции мартовской грязи и слякоти. У обочин, на переходах, у входов в метро, на обуви и брючинах, на боках троллейбусов и на лобовых стеклах машин – капли, капли, грязные капли.

Отношение к машине у Нади было мужское. В салоне всегда безупречная чистота и ничего лишнего, но вот мыть… это же просто потеря времени, при нашей-то экологии. Дворники начали скрипеть. Когда на техосмотр? Через пару недель надо бы уже записаться, заодно и резинки поменяют. Мыть машину или не мыть? И куда теперь девать этого Пикачу, будь он неладен… На этот раз все случилось как-то сразу: на несколько секунд Надя будто одеревенела, взгляд остановился на ярком пятне, а рука сама собой протянулась и спрятала игрушку в карман пальто. А ведь там камеры! – Спина похолодела и, кажется, даже стала влажной. Боже мой, ну что же делать. Неужели это опять началось? Пять лет спокойной жизни – и вот оно, снова. Стресс. Врач сказал: «Виноват стресс». Но не так уж сильно я нервничаю. Вадим, Лешка, работа – все, в общем, как обычно. Бабушка… бабушка без изменений. Ужасно, что на этот раз врачи даже не стараются обнадежить. Да, наверно, из-за этого… На этот раз все произошло как-то внезапно – раньше по растущему напряжению Надя за несколько дней могла сказать, что это случится снова. А сейчас сигналов не было. И это пугало.

* * *

Магазин «Товары для художников» освещал промозглую вечернюю улицу теплым светом витрин. В таком месте, как это, уж точно заботятся о правильном освещении: не голубой и не желтый, а ровный и мягкий свет, имитирующий натуральное солнце – а как иначе? Ведь только часть красок покупается по номерам, а чтобы влюбиться в новый оттенок пигмента или бумаги, его нужно правильно увидеть. Здесь знали толк в деталях и баловали знатоков хорошим выбором – за это магазин в торце здания большой галереи любили многие профессиональные художники. Надя подъехала прямо к входу и встала, как любила: кое-как, наискосок, не задумываясь. Машина не просто была ее личным пространством – она как будто давала ей право на какую-то дополнительную дерзость. Иногда за это приходилось платить, но Надя считала, что тратит на

штрафы меньше, чем иные дамы на туфли, – и вообще, это никого не касается. Пока я главный добытчик в семье, сама плачу штрафы и кормлю своих мужиков, ставлю машину как хочу, и точка.

Открыв дверь, она не глядя опустила ногу – и, конечно, угодила в лужу. Вода залилась в ботильон сверху, узкая штанина мгновенно промокла и ледяным языком прильнула к ноге. Б-р-р-р. Надя нащупала в квадратной деловой сумке упаковку одноразовых платков, быстро протерла обувь и, плотнее запахнув строгое темное пальто, быстро взлетела по семи знакомым ступенькам.

– Верочка, привет!

– Привет, Надюша! Рада тебя видеть! Как ты?

– Да все хорошо, как обычно. Как твои дела? Я этюдники хочу посмотреть, еще Вадиму нужно масло и несколько кистей.

– Давай покажу, что есть. К сезону этюдников будет больше, но это через месяц примерно, ближе к майским должны привезти. Пока у нас только базовые модели…

Тюбики и банки с красками, растворителями и грунтами, карандаши и кисти в пластиковых ячейках стендов, коробки с пастелями и углем, холсты на подрамниках, листы разной по плотности и оттенкам бумаги, блокноты, ластики и фартуки, мастихины, книги, мольберты и манекены… Этот мир, отделенный от обыденности тонким стеклом витрин, Надя знала во всех деталях. Она любила его запахи и звуки, могла с закрытыми глазами перечислить порядок цветов в круге Иттена и назвать правильные сочетания для любого тона, и, если бы не вечные заботы, она могла бы здесь оставаться часами… Она на пару мгновений застыла, машинально крутя обручальное кольцо на пальце и будто медитируя на глубину. Как васнецовская Аленушка, усмехнулась сама себе и обратилась к Вере:

– Этюдник не готова пока, Вер. Надо подумать. Давай пока возьму масло, Сеннелье – вот список по номерам. Еще походную палитру и щетинные кисти: плоскую пятерку, круглую восьмерку…Синтетику четверку круглую еще.

– Да, конечно. Может, еще маленькую из колонка? А для Алеши акварель? Не нужна? – Верочка работала в «Товарах для художников» уже много лет и знала всю семью, которая в разных сочетаниях заходила сюда за художественными материалами.

– Да, давай еще колонка, пусть двойка будет, спасибо. Алеша не рисует больше, он же у нас теперь серьезный человек, юрист. Уже второй курс заканчивает! – В голосе Нади звучала гордость.

– С ума сойти! Юрист… И как, нравится ему?

– Вер, я сама удивляюсь. Учится как зверь, а сейчас еще на практику в полицию пошел, увлекся не на шутку. – Надя улыбнулась, будто сама не особенно веря своим словам. – Свекровь, конечно, в шоке: внук самого Невельского, и вдруг не художник, а чуть ли не мент! Но что поделаешь…

– Ну, переубедить детей нереально, остается только поддерживать.

Махнув Верочке на прощание, Надя подошла с покупками к кассе. Незнакомая черноволосая девушка в очках в массивной оправе дежурно улыбнулась:

– Не желаете выбрать что-то для себя? У нас много товаров для любителей – вот, например, стартовый набор: блокнот и графические инструменты, можно попробовать скетчинг…

– Ну конечно, по мне ведь сразу видно, что я не художник, да? – Этот свой холодный стервозный тон Надя и сама терпеть не могла. Еще одна вещь, которую она сегодня не контролирует…

– Ой, простите, пожалуйста, просто… – кассир почти заикалась от смущения. – Вы так солидно одеты, и маникюр… художники обычно не так выглядят… простите! Я не хотела вас обидеть. Дисконтная карта есть у вас?

– Разумеется. Максимальная. Я постоянный клиент.

Очень хотелось грохнуть дверью, но Надя просто еще раз потуже подтянула шарф. Чему тут удивляться, в самом деле? Деловой костюм, пальто, офисная

сумка, красный маникюр и полное отсутствие украшений – ее вид и правда богемным не назовешь. Управлять рисками в страховой компании и выглядеть как художник – это было бы просто странно. Но разве можно с такими навыками работать в продажах? Она же тупо ничего не понимает в людях, эта девочка.

Надя бросила сумку с покупками на пассажирское сиденье, взяла желтого Пикачу и быстрым движением сунула его в урну у крыльца магазина. Потом, хорошенько потянувшись, перешагнула проклятую лужу и одним рывком переместилась за руль. А Ленка меня все ругает, что я юбки с каблуками не ношу. Хороша бы я была сейчас…

До дома оставалось минут двадцать.

* * *

Старый бежевый дом с высокими узкими окнами стоял на углу Плющихи незыблемо и величественно. Надя любила свой район до самозабвения. Даже внезапный отъезд матери, обида на которую не изгладилась за прошедшие двадцать лет, не отнял ни капли очарования от Надиного ощущения дома. Здесь ей было хорошо, здесь была ее крепость. Она недолюбливала только тесноту и странные судороги старого лифта, поэтому всегда поднималась на свой шестой этаж пешком. Широкая лестница с плавными поворотами и пологими ступенями была построена в то время, когда еще было принято ходить пешком – и это ощущалось при каждом шаге. Перила пока оставались прежними – узкими, из отполированного до черноты старого дерева. А вот старую желто-серую плитку на площадках постепенно заменяли, и это было жаль. Но что поделать – центр, новые состоятельные жильцы наводили свои порядки в местах общего пользования. Хорошо, хоть удалось отстоять старые рамы: реставрировать их было дороже, чем менять на стеклопакеты, но это был редкий случай, когда авторитет «семьи художника Невельского» подействовал на соседей, простых богатых бизнесменов, и они подчинились доводам о стилистике, эстетике и прочих загадочных вещах.

Надя легко поднималась по лестнице – удобная все-таки привычка, никакого фитнеса не надо. Неженственно, говорит Ленка. Женщина должна уметь себя беречь, а ты по лестницам шатаешься, как физкультурник. Без каблуков. И стрижка эта. И почему ты всегда без украшений? Надо будет сейчас после ужина посмотреть вебинар, который Ленка мне подарила, – а то ведь обидится.

Завтра в три совещание, надеюсь, эта тормознутая Наташа не забудет вставить слайды в презентацию. Так, а что у нас на ужин? Сегодня все хорошо, возиться не придется: котлеты есть, а нарубить салат и сунуть в духовку готовый пирог – дело десяти минут. Сначала пирог, ему надо минут сорок, потом уже остальное.

Подходя к двери, Надя достала ключи, на секунду закрыла глаза… Что, если все узнают? Сознательно расслабив мышцы и приветливо улыбнувшись, она открыла дверь.

Глава 2

Улыбка досталась коридору, потому что встречать ее никто не вышел. Надя длинно потянула носом запах своего дома, еще на секунду прикрыла глаза и снова улыбнулась, но уже по-другому – расслабленно и блаженно. Сняв пальто и жакет, она присела и наконец сняла промокшую обувь.

Электросушилка для обуви – что-то вроде двух кипятильников, соединенных общим проводом, – была ее любимым предметом в межсезонье. Надя вообще так следила за мельчайшими компонентами комфорта, что иногда это напоминало манию. Она не держала в доме никаких сувенирчиков, рюшечек и статуэток, потому что не любила визуального шума и вещей, которые не работают. Но предусмотреть каждую мелочь и устроить все максимально разумно – это был настоящий пунктик. Ей нравилось продумывать все до мелочей и располагать так, чтобы можно было жить хоть с закрытыми глазами. Вот пожалуйста: на случай мокрой обуви у нее есть и сушилка для обуви, и розетка для нее рядом с банкеткой.

Слегка шаркая по полу простыми серыми тапочками, Надя прошла по коридору к средней из трех комнат, в которой работал муж. Одна паркетная дощечка перед его дверью уютно скрипнула.

– Вадим, ку-ку! Я дома. Привезла тебе масло и кисти.

– Привет, дорогая. – Встрепанный и невеселый Вадим был погружен в общение со смартфоном. Набрав что-то на экране, он спрятал телефон в карман

просторного старого кардигана: одевался муж, как и положено художнику, небрежно и просто. – А этюдники были?

– Были, но пока для пленэров не сезон, их там немного. И какие-то все тяжелые и страшно дорогие. – Надя углубилась в недра квартиры, повышая голос, чтобы муж мог ее слышать. – Я пока ехала, вспомнила, что где-то на антресолях должен быть мой старый. Давай поищем. Только переоденусь, а ты принеси пока лестницу?

Вадим поморщился, но промолчал. И снова достал телефон из кармана.

Надина домашняя униформа – узкие джинсы и черная футболка – тоже не очень вязались с идеалами женственности. Но у Нади было целых два аргумента, которые даже Ленке казались более-менее сносными: во-первых, так она одевалась в точности как муж (только без кардигана), а это сближает. А во-вторых, демонстрировала тому же мужу свою стройную, легкую фигурку. В ее возрасте быть стройной без усилий – что ни говори, большое преимущество. Вадим всегда говорил, что у художника должна быть изящная жена, и, кажется, ничего не имел против стрижки. Хотя Ленка говорит…

Надя вышла в коридор и окликнула мужа:

– Вадим, стремянку несешь?

– Да, момент. – Он отвлекся от смартфона и спустя полминуты вернулся в коридор со старой складной лесенкой.

Надя поднялась на верхнюю ступеньку, с усилием открыла тугой шпингалет и распахнула белые, окрашенные масляной краской дверцы.

– Как думаешь, выдержит меня антресоль?

– Я каждый раз волнуюсь, когда ты туда залезаешь. Давай осторожнее, Надь!

Ловко, как обезьянка, она перелезла с лестницы на антресоль – та даже не скрипнула. Вадим поднялся на третью ступеньку стремянки и напряженно смотрел на жену. Она покрутила головой, секунду подумала и начала

продвигаться внутрь, мимо стопок старых книг, коробок с утварью и прочим хламом, который был изгнан из жилых помещений после отъезда матери. Ага, вот оно! Этюдник стоял справа у стены, прямо за ним была художественная папка большого формата – может пригодиться, Надя как раз задумала уборку в мастерской мужа. Она вытащила оба нужных предмета и ползком, не разворачиваясь, двинулась обратно. Неудобно извернувшись, передала Вадиму сначала папку, потом этюдник… И в последний момент цапнула еще шкатулку, которая стояла слева, почти с краю. Экзотическая, вся в металлических кружевах, она была украшена яркими разноцветными каменьями и весила, наверно, целую тонну.

– Надь, а это что?

– Это что-то от матери, не открывай. Я потом посмотрю, уже забыла, что там.

В двери повернулся ключ.

– Родители, привет! – Лешка явно был в хорошем настроении, но по дурацкой привычке девятнадцатилетнего молодого специалиста напускал на себя многозначительную усталость и озабоченность. – Еда есть?

– Да, конечно, Леш, давай иди мой руки. Через десять минут сядем, – ответила Надя, с нежностью глядя на сына. Его эта материнская ласка чаще сердила, чем радовала, но она не могла ничего с собой поделать: парень, на ее взгляд, был просто эталонный красавец, и она таяла каждый раз, когда на него смотрела.

Вадим раскрыл папку, появившуюся с антресолей:

– Надь, это, кажется, твое.

– Да? – Надя быстро заглянула в картонный зев папки. – Ну давай мне, я разберусь.

Подхватив шкатулку и папку, она прошла пару шагов по коридору, бедром толкнула дверь и оказалась «у себя»: в этой комнате, помимо супружеской постели, стоял ее небольшой столик, туалетный и по совместительству компьютерный. Или скорее наоборот.

Папка с внезапно обнаружившимся Надиным наследием была безжалостно засунута в щель между столом и стеной, а шкатулка воцарилась на столе. Ее марокканская пышность в простом серо-белом интерьере спальни выглядела неуместной. Надя подняла тяжелую резную крышку и заглянула в обитое бордовым бархатом нутро. Внутри лежала груда украшений – экзотических, ярких, невероятных. «Вполне нормально для Марины», – подумала она, мысленно называя мать по имени. И небрежным движением захлопнула крышку.

* * *

Узкий пенал кухни вмещал только самое необходимое, и есть приходилось у стола, придвинутого вплотную к стене. Но наличие отдельных комнат для каждого члена семьи было важнее, чем мифический приход гостей, ради которого потребовалось бы накрывать стол в каком-то более просторном помещении. Гостей у них давно не бывало: Вадим не особенно любил «сборища», а Надя слишком уставала на работе, чтобы еще в выходной танцевать у плиты и перемывать горы посуды. Она собирала ужин почти не глядя: большая миска с салатом, разогретые на сковородке под крышкой котлеты (Вадим уверял, что еда из микроволновки становится неприятной на вкус), тарелки, вилки, салфетки. В духовке оживал замороженный пирог с вишней – проверенный, на вкус будет лучше, чем домашний.

Мужчины уже сидели у стола, который Надя по какой-то странной причуде всегда застилала тканевой скатертью – простой и однотонной, но обязательно из обычного хлопка или льна, без всяких пропиток или, не дай бог, клеенчатого слоя.

– Ну и как твоя практика? – Вадим смотрел на сына, слегка приподняв выразительные темные брови, как будто не ожидая ничего хорошего в ответ.

– Все нормально, па.

– Чему тебя там учат, никак не пойму. Ты всего лишь на втором курсе университета. Какой прок нюхать эту баланду, если ты не собираешься идти… как это говорится – в правоохранительные органы?

– Прок очень прямой. Надо понять, как устроена вся система, чтобы в ней успешно работать, – Лешка говорил монотонно и отчетливо, голос его был мрачен.

– Хорошее дело, работать в этой репрессивной системе.

– Она не репрессивная. Она правоохранительная. Охраняет право, понимаешь?

– Да уж что здесь непонятного. Это ведь не бином Ньютона. Дядьки с резиновыми палками, которые ничего больше не умеют, следят за тем, чтобы никто не высовывался. Тех, кто высовывается, бьют, – раз начав иронизировать, Вадим явно не собирался останавливаться.

– Откуда ты это взял? – Лешка вскипел быстро, потому что этот разговор был далеко не первым, и он знал, что переубедить отца не получится. – Там нормальные люди работают, как ты и я.

– Как я? – Вадим пытался прикрыть откровенную злость улыбкой, поэтому гримаса получалась жутковатая. – Ну спасибо, сын.

Надя попыталась вмешаться:

– Ребята, ешьте, а? Остывает же.

Лешка сбавил темп:

– Я просто хочу сказать, что в полиции работают нормальные, порядочные люди. И работа у них не из приятных. Но они ее делают, потому что должны.

– Возможно, они должны. Я о них ничего не знаю, – парировал Вадим. – Но при чем здесь ты, скажи на милость? Внук прославленного художника. Картины деда в Третьяковке висят. Сын художника. Ты все детство рисовал, и как рисовал! Ну как так, Алексей?

– Ну как так! Да вот так. Какой от твоего искусства прок? Оно делает мир лучше?

– О господи, каждый день одно и то же… и когда вам только надоест, – пробормотала Надя и попробовала сменить тему: – Котлеты совсем не удались, раз не могут вас отвлечь от дискуссии?

– Котлеты просто супер, дорогая, – дежурная похвала мужа вынесла Надю за воображаемую черту, внутри которой разворачивались боевые действия. – Да, искусство делает мир лучше! И я могу понять, почему в милицию идут те, у кого нет образования, эрудиции, внятной семейной истории, но у тебя же совсем иная ситуация!

– Да, конечно. У меня она совсем другая. Мне с детства выносили мозг этими кисточками, красками, колоритом и этюдами. – Внук художника и сын художника говорил об искусстве без того почтения, которого от него ждали. – Я в художку восемь лет ходил, как на каторгу. Бархатные штанишки, кофточки с жабо, бабушкины восторги – а я хочу сам жить, сам, понимаешь? Хочу жить так, как я решил! Мне нужно, чтобы мир был лучше – и не где-то там, а здесь, на нашей улице, в нашем доме. Чтобы в нем было меньше нечисти, чтобы матери было, наконец, на кого опереться.

Лешка осекся, увидев, как отец вздрогнул и побледнел, стиснув вилку.

– И вообще, ну чего мы спорим? – сказал он уже тише. – Я же сказал, что буду адвокатом. В полиции не останусь. Просто чтобы быть хорошим адвокатом, надо поработать на земле. Это так называется – на земле. Когда видишь все изнутри и проходишь все этапы.

– Леш, возьми еще котлетку, – вмешалась Надя. – А чем ты сам там занят? Ты ведь не ловишь преступников? Наверно, помогаешь кому-то, да?

– Ну, в основном я, конечно, бумажки там ношу. Но и наблюдаю, как работают. Как опрашивают, например, – переключившись на приятную для себя тему, Лешка мгновенно расслабился. – Руководитель практики у меня прикольный – майор Прохоров. Он такой типа продвинутый чувак, книжек много читает, история там, криминалистика, психология. В отделении его профессором зовут, но только за глаза, он мужик жесткий.

– И что, чему интересному он тебя научил? – Вадим уже взял себя в руки и старался говорить мирно, в тон сыну.

– Ну он много всего читает по нашему делу. Там же все время новое что-то публикуют, и статьи, и книжки. В основном на английском, конечно, но и переводят же. Вот, например, прям свежая теория, почему люди становятся преступниками? – Он смотрел на отца так, будто приглашал его включиться в увлекательную игру.

– И почему же?

– Ребята, вам не надоело? Может, сменим тему? Я чай поставила, пирог уже вот-вот будет готов, – Наде не нравились разговоры о преступлениях, но с тех пор, как сын пошел на юридический, эти темы в доме обсуждались постоянно.

– Надюша, погоди, не мешай. Тут у нас теоретическая часть началась, дай просветиться…

– Ну так вот, – рассказывая, Лешка увлекался, повышал голос и быстрым движением взъерошивал волосы, совсем как его отец. – Буквально лет пять назад два американских криминолога, Хоскин и Эллис, провели исследование криминальных элементов. И обнаружили, что те, у кого указательный палец короче безымянного, имеют склонность к агрессии и преступлениям.

– Да ладно? Ерунда какая-то… – Вадим доел и отодвинул от себя тарелку.

– А вот и не ерунда! – Лешка о еде уже забыл, так увлекла его собственная лекция. – Если женщина ходит беременная и у нее в этот период повышается уровень тестостерона, у ребенка формируются такие вот руки. И похоже, этот гормон действует еще и на психику будущего ребенка, потому что потом из таких детей вырастает больше преступников.

– Леш, но ведь тестостерон – это мужской гормон? Откуда он у беременных?

– А вот и нет. Он и у женщин есть, оказывается. Я сам не знал. Ну ты вот видел женщин с усиками? Это оно. А повышаться тестостерон может даже от неправильного питания. И вот, исследование! Факты, как говорится, налицо. Я как узнал, сразу стал на свои руки смотреть. У меня, слава богу, явно все в порядке. Мам, дай свою!

Лешка легко и быстро схватил мать за маленькую кисть и развернул ее вверх пальцами над столом. Вадим захохотал:

– Ну все, наша Надежда Юрьевна – криминальный элемент! Вот оно что!

Надя вскочила:

– Да ну вас, развели тут демагогию. Так, все, я пирог достаю.

Быстро собрав тарелки, она вынула из буфета большое блюдо для пирога – благородной формы, но без декора, абсолютно гладкое – и отвернулась к духовке.

– А что, кстати, много женщин-преступниц?

– Не, гораздо меньше, чем мужчин. Раза в три, наверно.

– Ну, вполне логично. А какое преступление самое частое?

– Ну кража, конечно. Мам! – Лешка обернулся на грохот формы для пирога. – Тебе помочь?

– Вот засада, ну это же надо! Уронила пирог… – На Наде, что называется, лица не было. – И как теперь чай пить?

Глава 3

После ужина все разошлись по своим комнатам.

Немножко повозившись на кухне, Надя тихо стукнула в дверь мужниной мастерской. Это на работе у них принято входить в кабинеты сразу, едва обозначив свое присутствие за дверью, как требовал шеф. Дома у Невельских порядки были старосветские, здесь уважали личное пространство.

– Да… – вяло ответил Вадим…

– Ну как, что скажешь?

– Ну, этюдник как этюдник, но, конечно, старый, грязный, как-то не очень мне это нравится. – Его голос звучал брюзгливо, и из-за этого Вадим казался старше и слабее, чем был.

– Не старый, а винтажный, – попробовала разрядить атмосферу Надя. – Пятна ототрем, времени на это полно, пока еще погода для пленэров установится.

– Инструменты должны вдохновлять, а я буду таскаться с этим старьем, как неудачник…

– Вадим, ну что за глупости. Это не старье, а вещь с историей. Кто на них смотрит, вообще? Не знаю, новый приличный стоит тысяч пятнадцать, а то и двадцать. Ты уверен, что он тебе нужен? – Она взвесила этюдник на ремне. Удивительно, какой тяжелый. Почему это совсем забылось, или в юности он не казался таким уж увесистым?

– Надя, если я говорю, что нужен, значит, нужен. Я намерен вернуться к работе с натуры! – Вадим что-то перебирал и переставлял на огромном, заваленном художественными материалами, набросками и книгами строганом столе.

– Ну, может, попросить у Майи Васильевны этюдник твоего отца?

– Я даже не уверен, что она его сохранила. Мастерской больше нет, зачем он ей? Наверно, давно отдала кому-то.

– Вадим, ну может, ты хотя бы поинтересуешься? В конце концов, ты и сам на этюдах не был больше двадцати лет, это сейчас внезапно тебе понадобилось…

– Слушай. Ты прекрасно знаешь, что я на все готов, лишь бы вырваться из этого творческого кризиса. – Вадим смотрел на нее отчаянно, с болью, и Наде вдруг стало стыдно.

– Ну прости меня. Я не права. Да, давай, конечно, сделаем все, как ты скажешь. Говорят, поменять жанр бывает полезно. Вадим, ты же знаешь, и я знаю – у тебя настоящий талант. Подлинный. Просто не всем доступно то, что ты делаешь… А те, кто понимает, они видят. И я люблю твои работы. И ты прав, что не изменяешь себе. Творчество требует мужества, и у тебя оно есть, ты молодец! Кризис обязательно закончится, надо просто делать что-то, пусть понемногу, но постоянно, каждый день. – Изрекая банальности, которые надоели уже им обоим, Надя тихонько двигалась по мастерской мужа.

Картины здесь были повсюду: стояли рядами у стен, опирались на ножки огромного стола, заляпанного красками разных цветов, висели на стенах и лежали на стеллажах. Надя легко прикасалась к подрамникам, скользя взглядом по давно и хорошо изученным работам мужа. Современное нефигуративное искусство. Такое правда требует профессионального, тренированного взгляда. Пока Вадиму не везло: желающих купить его картины было… мягко говоря, крайне мало. Несмотря на многочисленные попытки свекрови Майи Васильевны и ближайшей подруги Ленки вмешаться в процесс поиска галеристов, Надя была непреклонна: Вадим сам должен решать судьбу своих работ. Нельзя унижать творца и мужчину попытками помочь.

– Слушай, знаешь что? А давай расчистим немного твое пространство?

Вадим резко выпрямился на диване, с которого теперь следил за женой, и сложил руки на груди:

– Ты опять?

– Вадим, дорогой, ну правда, может, стоит упорядочить весь этот хаос? Разгрести завалы, вытереть пыль, сложить работы по сериям, наконец… – Надя старалась говорить с ним мягко, как с больным. Она правда хотела помочь.

– Надя, я тебя очень прошу оставить эту затею, – отчеканил Вадим. – Я здесь работаю, и только мне решать, как здесь все должно быть.

– Но у тебя же все стеллажи в пыли! Картины перепутаны, готовые работы вместе с этюдами, альбомы разбросаны по полу… – Она оглядывала кабинет и на каждом метре его находила подтверждение своей правоты.

– Еще раз повторяю, оставь, пожалуйста, в покое меня и мою мастерскую! Мама никогда не позволяла себе вмешиваться в работу отца!

– Ну, ей это было проще, – хмыкнула Надя. – Игорь Павлович ведь работал не дома, а в отдельной мастерской. А мы здесь живем.

Рывком встав с продавленного дивана, Вадим подошел к окну без штор и уставился в вечернюю мглу. Коренастый и невысокий, он обычно выглядел крепким и мужественным, но сейчас вся его фигура показалась Наде какой-то жалкой. Бедный мой, неприкаянный талант. Она подошла и обняла его сзади.

– Хо-ро-шо. Вадька, будь по-твоему. – Она редко называла его уменьшительным именем, от которого пахло их общим детством, развеселой компанией из художественной школы и студенческими тусовками, на которых, впрочем, Надя провела не так много времени, быстро став женой подающего надежды потомственного художника и будущей матерью продолжателя творческой династии Невельских. – Никакого чертова порядка. Пусть в твоей берлоге царит дух первозданного хаоса. Да будет так! – Она поцеловала мужа в растрепанный затылок.

Не отвечая, он повел плечами, как бы освобождаясь из ее объятий. Надины руки соскользнули и остались не у дел. Вадим вернулся к дивану и нажал кнопку на пульте телевизора.

– О, хорошее кино. Посмотришь со мной? – произнес он ровным тоном, будто никакой стычки и не было.

– А что показывают?

– «Побег из Шоушенка» с Морганом Фрименом. – Вадим уже уселся и смотрел в телевизор.

– Про преступников? Ой, нет, знаешь, это не моя тема, я лучше своими делами займусь. – Надя повернулась, чтобы выйти, и услышала, как на телефон мужа подряд пришли четыре сообщения. Дзинь, дзинь, дзинь, дзинь. Он вынул телефон из кармана и принялся тыкать пальцем в экран, не заметив, как жена тихо вышла за дверь.

* * *

В комнате сына все происходило одновременно: играла музыка, на планшете жило и двигалось видео, а в компьютере была открыта сотня вкладок, между которыми будущий победитель криминала переключался мгновенно и безошибочно.

Когда Надя, постучав, вошла, Леша быстро набирал текст в мессенджере социальной сети.

– Мам, ты чего? Ищешь, чем заняться? – Иногда Лешка в своей снисходительности бывал откровенно грубоват.

– Да нет, я так, пообщаться. Если у тебя время есть.

– Мамуль, веришь: ни минутки. Ты извини, пожалуйста. Я просто нарасхват, – сын говорил, не отрывая взгляд от монитора. – Мы с Машей не виделись уже пять дней, Сидоров в гости зовет на выходные, с ним надо договариваться, и еще по работе одну штуку нужно успеть сделать – Прохоров мне загадку загадал, да еще и предупредил, что однозначного ответа нет. А завтра спросит! И если я поплыву, будет троллить, он в этом деле мастер… ломастер…

– Чем там Маша занята? Все у нее хорошо? – Надя уже три месяца слышала имя новой подружки сына, но до сих пор не была с ней знакома.

– Да, спасибо, мам, учится она, все хорошо. – Лешка ни на секунду не переставал щелкать клавишами ноутбука.

– Привет передавай. Надо бы как-нибудь нам с ней повидаться, а то уже неудобно, это заочное знакомство затянулось.

– Ага, конечно, передам… – Леша склонился к монитору и прищурился. – Ну Прохоров, а Прохоров!

– О чем загадка-то?

– Да он сказал, что бывают случаи, когда виновного в краже освобождают от ответственности. А я, оказывается, об этом ничего не знаю.

– Ну, ищи. Лешк, только не засиживайся, ладно? У меня завтра важное совещание, надо пораньше в офисе быть, чтобы подготовиться. Так что в восемь уже выезжаем.

– Конечно, мам. Спокойной ночи.

Надя поцеловала теплую макушку, радуясь, что поглощенный компьютером сын слишком занят, чтобы стыдливо отмахиваться или отчитывать ее за телячьи нежности.

* * *

В спальне, которая находилась дальше всего по коридору, двадцать с чем-то лет назад началась семейная жизнь Невельских. Сначала это была комната Нади, потом здесь поселился и Вадим, здесь был зачат Лешка, и здесь же он жил с родителями первые три года, пока не пришла пора вылезать из детской кроватки с опускающейся решеткой. В последние месяцы Надя была здесь в основном одна.

Изначально в квартире, где все три одинаковые прямоугольные комнаты выходили в длинный коридор, ближайшее к входу помещение было маминым. Марина не очень интересовалась кухней, хозяйством и не вникала в дела дочери, зато была человеком легким и удобным в быту. Когда Надя привела в дом приятеля по художественной школе и объявила об его новом статусе жениха, мать без лишних вопросов согласилась, чтобы он жил в комнате Нади, а среднюю отдали ему под мастерскую: до вступления в Союз художников отдельного помещения Вадиму не полагалось, а уж потом он, конечно, куда-то переедет с работами, и в средней комнате, наверно, будет детская.

О том, что комната для малыша молодой семье понадобится достаточно скоро, Марина узнать не успела. Пока Надя готовилась сделать матери важное заявление, та внезапно сама огорошила молодых: выхожу замуж, уезжаю, чтобы вам, ребята, не мешать. Смертельная обида на то, что все это было проделано так быстро, решительно и «без учета мнения семьи», застыла в груди Нади

холодным камнем, похожим на тот, над которым хлопочут в керлинге: большим, округлым и каким-то неумолимым в своей тяжеловесности. Она так и не сказала матери о беременности – та устроила все дела с отъездом буквально за пару месяцев, а к моменту, когда Наде пришла пора рожать, уже неплохо освоилась на новом месте в тихой европейской стране и начала посылать молодым Невельским открытки, активно зазывая в гости. Марина вообще быстро приспосабливалась, покойный дед звал ее с намеком на чеховскую героиню – «попрыгунья».

Надя тогда запретила отвечать на междугородние звонки. Проболталась бабушка, Галина Дмитриевна – для нее никогда не было проблемой указать непутевой дочери на ее очередную непоправимую ошибку. От новости о рожденном тайком от нее внуке Марина чуть не сошла с ума. Мгновенно примчалась из своей Чехии, но замки на Плющихе уже заменили, на телефон никто не отвечал, а молодые родители и новенький малыш были по причине дачного времени неизвестно где. И родная мать непутевой Марины, она же Надина бабушка и Лешина прабабушка, наотрез отказалась говорить своей дочери, где они прячутся. Принципиальность – это у нас генетическое, говорила она с горькой гордостью. Помыкавшись пару недель, Марина уехала. Никто из семьи даже не знал, где она ночевала в тот приезд в Москву.

Потом Марина бывала в Москве еще несколько раз, и постепенно даже какой-то контакт наладился: Галина Дмитриевна отвозила правнука на свидания с ней в парке или кафе-мороженом, иногда к Лешке присоединялся Вадим, и так вот, через посредников, мать и дочь узнавали друг о друге. Общаться с матерью Надя не хотела ни за что. И подарки принимать запретила.

Она даже ремонт сделала так, чтобы в доме не оставалось следов Марины: только темные полы из натурального дерева, белые стены, метлахская плитка с геометрическим узором, серая и белая мебель. При матери здесь все было иначе. Она обожала яркие краски, мастерски с ними обращалась, и все помещения в старой квартире были похожи на декорации к театральному спектаклю вроде «Принцессы Турандот»: экзотично и пестро выкрашенные, забитые бесконечными безделушками, привезенными друзьями и знакомыми из дальних странствий, подушками и пледами, статуэтками и книгами, огромной коллекцией разноцветных необычных бутылок. Надя вычистила все. Ну, почти все – некоторые вещи попали под защиту Вадима, который до поры до времени сдержанно симпатизировал Марине, и упокоились на антресолях, потому что могли служить реквизитом для учебных натюрмортов.

* * *

Шкатулка, которая сейчас стояла на узком белом столике, была частью той, прежней жизни и смотрелась в Надиной комнате чуждо и странно, как клоун в больнице. Про шкатулку когда-то говорили, что ее привез Марине из Марокко Надин отец, о котором она больше, можно сказать, не знала ничего. Мать говорила, что он «был невероятно красив», а бабушка уверяла, что ничего не помнит об этом мерзавце, потому что Марина их едва познакомила, прежде чем он исчез. Фамилия у Нади была по матери, и отчество тоже: обе Юрьевны. Лишь по косвенным признакам можно было догадаться, что, видимо, он был блондин: иначе сложно понять, как у огненно-черноволосой Марины появилась девочка такого сдержанного, тонкого колорита, как Надя. Фигурой она тоже была не в мать: присущая Наде хрупкость, по-видимому, тоже была подарком загадочного мерзавца.

Так, надо заняться делом. Ленка же не отстанет, пока я не посмотрю этот вебинар. Ленку нужно слушаться, иначе на споры с ней уйдет все время, которого и так нет.

Надя сдвинула шкатулку вглубь стола, уселась на простой стульчик и открыла крышку ноутбука. Платформа для прохождения онлайн-курсов узнала ее сразу: Надя училась постоянно, самому разному, прилежно доводила каждый курс до финала и получала сертификаты, некоторые из которых даже распечатывала и вешала на стенку. Риторика, навыки самопрезентации, методики ведения переговоров, улучшение памяти, скоро чтение и, конечно, неизменный и совершенно не нужный в ее жизни английский – который она учила просто потому, что его незнание занозой сидело в мозгу со школьных лет. Ленка тоже любила учиться, но ее направления были другими: она интересовалась психологией, модой, кулинарией, методиками соблазнения разной степени целомудренности, а в последнее время внезапно увлеклась дизайном. Тебе, говорила она Наде, сам бог велел все это изучать, у тебя ж два курса Суриковского! Все основы знаешь. Надя отказывалась даже говорить на эти темы: это все было давно и неправда. И вообще, у меня муж – художник, он ничего такого дизайнерского с курсов дома не потерпит, у нас, думаешь, почему все стены белые? Борьба с излишествами.

Но в последнее время Надя начала больше прислушиваться к институтской подруге, которая была хоть и любимая, самая близкая, но все же совершенно

иная по привычкам, целям, внешности, всему. Их объединяла давнишняя дружба, настолько тесная, что Ленка иногда называла Надю своей сестрой. И в качестве такой вот самой близкой на свете женщины она в какой-то момент начала потихоньку, исподволь, но достаточно настойчиво интересоваться семейной жизнью Нади. И делиться женскими хитростями, потому что некоторые проблемы у Невельских действительно были. Даже не проблемы, так, проблески. Какой-то холодок, то ли от усталости, то ли просто слишком привыкли друг к другу… Обмен опытом выглядел странновато: Ленка была хронически одинокая и страстно мечтала завести себе мужчину (она даже это нейтральное, в принципе, слово выговаривала с некоторым нажимом). А у Нади был один на всю жизнь Вадим, с которым познакомились в двенадцать, поженились в двадцать один, и с тех пор еще двадцать лет прожили, и еще дважды по столько проживут. С другой стороны, именно из-за этой стабильности Надя могла потерять нюх, хватку и что там еще надо, чтобы муж пореже ночевал на диване? А у Ленки – постоянная практика: если не роман на работе, так флирт на сайтах знакомств или кастинг в брачном агентстве.

Тренинг, который подруга подарила Наде на день рождения, назывался «Достигая невозможного» и включал в себя вебинары «по всем важнейшим аспектам успеха современной женщины». Первый вебинар был посвящен раскрытию потенциала женственности: «Я как это увидела, – ласково ворковала Ленка, – сразу о тебе подумала, моя радость. И решила тебе подарить этот курс».

Запустив видео, Надя приготовилась к долгому вступлению, но, видимо, из-за того, что курс был платный, лектор почти сразу перешла к делу. У современных женщин, часто вынужденных выполнять мужские функции, не остается времени на себя. Надя кивнула. Женственность, которая дает нам истинную силу, в наши дни нужно культивировать сознательно и раскрывать через ежедневные ритуалы и смену привычек. Эту часть можно было даже не записывать: ну куда ж без ритуалов и привычек, это теперь во всех курсах как под копирку повторяется. Лектор давала материал щедро: показывала слайды с типами внешности, рассказывала о длине юбок и высоте каблуков. Понятно, что настоящей женщины без этого всего просто не бывает – но революционность данного тренинга была в том, что здесь разрешали, пусть изредка и по очень уважительной причине, иногда отказываться от каблуков. И даже юбку или платье можно было изредка заменить штанами – только, чур, широкими, которые собирают энергию Матери-земли и направляют ее в половую чакру Садхистану. От чего совсем никак нельзя отказываться – это от украшений, длинных волос и их окрашивания.

Волосы, мысленно застонала Надя. Ее волосы были темой вечных препирательств между подругами. Ленка была убеждена, что сила женщины – в волосах, и много лет уговаривала Надю отрастить хотя бы каре. Но короткая стрижка, открывавшая уши и шею, была такой привычной, удобной, такой безупречно никакой, что Наде и думать было муторно о завивках и укладках. «Я же не мифический герой Самсон, Лен, ну в самом деле. Ты прямо как моя бабушка с этими волосами. Ну не люблю я длинные, не идут они мне», – отбивалась Надя. Единственное, в чем она уступила Ленке, – начала красить волосы. Даже не красить, а тонировать в разные насыщенные и темные цвета типа красного дерева, махагона или бронзы. Нельзя сказать, что с такими волосами Надя себе больше нравилась, – но в ней появлялась яркость, которой нельзя было добиться с природным «мышиным» оттенком, и эта яркость отлично сочеталась с деловыми костюмами по фигуре, которые она любила носить на работу: и удобно, и представительно. В деловой среде женщины должны выглядеть энергичными, напоминала себе Надя и когда выбирала раз в пару недель оттенок шеллака на маникюре: что-то классическое и броское, типа «русского красного».

«Молодость – время максимального контраста во внешности. С возрастом контрастность уменьшается, поэтому ее надо воссоздавать, – объясняла лектор. – Украшения не только повышают контрастность, но и помогают обратить внимание окружающих на те детали внешности, которые вы хотите подчеркнуть. Используйте украшения, чтобы направить взгляды мужчин в правильном направлении и помочь раскрыться потенциалу вашей внутренней Венеры».

Ох, мамочки. Внутренняя Венера. Ну кто в здравом уме может во все это верить? Хотя, может, я поэтому и не верю, что моя Венера крепко спит? Надо хотя бы попробовать. Надя придвинула к себе шкатулку и открыла крышку.

Длинные подвижные серьги в виде металлических павлиньих перьев. Золотистые в виде округлых палитр, из которых торчат кисточки, – что это, латунь? Эмалевые серьги, похожие на кометы с переливающимися розовато-зелеными головками и хвостами. Длинные проволочные капли с матовыми металлическими шариками в нижних петлях. Еще одни, из какого-то прозрачного стекла русалочьего серо-зеленого оттенка: на металлической цепочке шарик, ниже шарик побольше и внизу капля. Надя подошла к шкафу, достала шейный платок и, вернувшись, постелила его на столик. Лектор перешла к советам о подборе украшений по типу лица, и Надя, слушая вполуха,

вынимала предметы один за другим и выкладывала на платок. Серьги. Еще серьги. Браслет. Цепь с подвесками – надо же, какая необычная. Еще браслет. Мама носила их парами, вспомнила Надя, совсем как у Лермонтова в «Маскараде». Заколки с камушками – у матери была буйная шевелюра, и, хотя она всегда стриглась довольно коротко, заколки в черных волосах мелькали часто. Бисерный чокер с бахромой – очень тонкая работа, кажется, его привезли из Венгрии. Плетеный поясок из очень тонкой, потемневшей от времени золотистой проволоки с пряжкой в виде змеиной головы, два зеленых каменных глазка. Она машинально примерила поясок на себя – сошелся, даже с запасом. Колье из самоцветов: диски из камней отполированы и нанизаны группами, перемежающимися резными металлическими бусинами.

Вся поверхность платка уже была завалена пестрыми вещицами, а в шкатулке до сих пор не было видно дна. Лекция закончилась призывом перебрать все имеющиеся украшения и начать с сегодняшнего же дня постоянно носить хотя бы одно – колье или серьги, вам подскажет ваша внутренняя Венера. Надя провела ладонью по кучке безделушек… начала раскладывать их так и этак по квадрату платка. Венера упорно молчала – может, с непривычки? Подсказок не было. Одни сережки – вот эти, с переливающимися шариками и каплей внизу – должны были подойти по тону к Надиным серым глазам. Но их невозможно представить с этой стрижкой, с привычной одеждой, в офисе. Нет, ерунда. Да и вообще, ей уже сорок с хвостиком, а бижутерия – это для молодых.

Она сгребла украшения обратно в шкатулку, положив русалочьи серьги сверху. Шкатулку после недолгих раздумий убрала в шкаф: ее аляповатый дизайн и правда раздражал. Зайти, что ли, с зарплаты в ювелирный? Наде всегда было жалко денег на золото, к тому же дизайны в обычных магазинах были удручающе банальны, а на авторские украшения нужно было целое состояние. Кстати, может, надеть то кольцо?

Несколько месяцев назад Вадим подарил ей шикарное, нетипичное украшение. Тридцать лет знакомства! Оказалось, он помнил дату, когда впервые увидел ее в художественной школе, куда она перешла из школы попроще, чтобы развивать свой «несомненный талант». Был октябрь, сказал ей тогда Вадим, и золотая листва за окном удивительно рифмовалась с цветом твоего платья, я его навсегда запомнил. Надя чуть не расплакалась от нежности. Действительно, у нее тогда был сарафан из рыжего вельвета, с накладными карманами, ну надо же, как он только не забыл… Кольцо, подаренное мужем, было явно дорогим и сделано с большим вкусом: крупный прямоугольный камень в центре и россыпь

мелких бриллиантов вокруг. Надя была изумлена – такой подарок никак не сочетался с их семейными привычками. Жили они, что называется, нормально, но кредит за машину она выплачивала уже два с лишним года, а Вадим давно ничего не зарабатывал. На ее осторожные вопросы он не ответил, но сам так сиял от гордости, что смог сделать жене подарок, что она не стала настаивать. В конце концов, возможно, им наконец начало перепадать что-то от щедрот свекрови, великолепной вдовы большого художника – кто знает…

Кольцо на ее маленькой кисти смотрелось странно. Может, дело в маникюре? Красные ногти, а камень синий, получается грубовато. К тому же такое украшение – явно не повседневная вещь, в офис его не наденешь. Полюбовавшись, Надя сняла кольцо и убрала в бархатную коробочку. Встала, потянулась и легкими шагами снова подошла к мужниной двери. Стукнула. Подождала ответа. Спустя несколько секунд все же заглянула.

Он сидел на диване и то ли спал, то ли глубоко задумался…

– Ты спать не идешь?

– Нет, я пока еще посижу, мне тут надо… – Что такое было надо, осталось неясным, но расспрашивать Наде было неудобно.

– Хорошо, я пойду, мне вставать завтра рано. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Протянув руку, чтобы выключить свет, Надя прикинула, удастся ли ей уснуть. Попробую сегодня без снотворного. Но через час она встала и прошлепала босиком на кухню, чтобы выпить таблетку мелатонина. Под дверью мастерской Вадима светилась узкая полоска.

Что будет, если он узнает…

Глава 4

Наде, конечно, невероятно повезло с сыном. Вот, например, у кого ребенок добровольно утром встает и его не надо расталкивать? А у нее всю жизнь было именно так! Она обожала утренние часы, когда Вадим спал, а они вдвоем с Лешкой собирались – когда-то в сад, потом в школу, а теперь вот на работу. Это был как будто такой веселый маленький заговор: они говорили друг с другом так, как никогда не говорили в другое время, и Лешка был подчеркнуто солидный и разумный, а Надя как будто маленькая. В последние годы, когда сын повзрослел, игра слегка изменилась, и по утрам иногда казалось, что он за ней слегка ухаживает. И беспокоится. Как будто исполняет то, до чего его отцу теперь нет дела.

– У тебя кофе стынет!

– Да, сейчас, сейчас. – Надя докрашивала ресницы, стоя в ванной в тапочках, офисных брюках и майке. Как же хорошо, что волосы короткие! Иначе вставать приходилось бы раньше на час…

Снова метнувшись к шкафу, она достала блузку, быстро надела ее и, схватив жакет, выскочила на кухню. Леша ждал ее там со сложносочиненным бутербродом и глядел укоризненно и ласково: всегда у тебя все наспех.

– Я не успеваю поесть, сын, – покаянно признала Надя, отпивая из кружки уже слегка остывший несладкий кофе с каплей молока.

– Хорошо, я тебе с собой положу. Вечно одно и то же!

Надя тремя глотками допила свою утреннюю дозу кофе и помчалась к входной двери:

– Леш, давай скорей.

Им было удобно ехать вместе, потому что отделение полиции, куда Лешку определили на практику, оказалось почти у Надиной работы. Вообще, практика в таком месте считалась чуть ли не наказанием – куда лучше стажироваться в суде, прокуратуре или адвокатской конторе. Но у Невельских не было связей в юридической среде, и Лешка даже гордился тем, что будет делать карьеру полностью с нуля. В нем была какая-то очень витальная упертость, и Надя верила, что сын станет адвокатом, как задумал.

– Ну как там твоя загадка? – поинтересовалась Надя, выруливая из двора.

– Ну как тебе сказать. Мне кажется, Прохоров читерствует.

– Это что за слово?

– Ну жульничает, лукавит. Потому что я не нашел варианта, при котором за кражу не наказывают вообще.

– Расскажи.

– Ну смотри. Если украдено на сумму до двух с половиной тысяч рублей, это административная ответственность. Штраф, например. А если дороже – то уже уголовная. Там исправительные работы, лишение свободы, как решат, в общем.

– Ну а если человек не в себе?

– Ну вот я тоже думал, что если псих и со справкой, то свободен. А оказывается, нет. Если украдены ценные вещи, то и справка не поможет – потому что тогда назначают принудительное лечение. А что лучше, зона или тюремная психушка – это вопрос сложный.

– Да уж… – Надя энергично маневрировала в потоке и прикидывала, как поменять тему разговора, когда у нее вдруг зазвонил телефон. Сын мгновенно включил громкую связь: он не любил, когда мать нарушала правила и рисковала, говоря по телефону за рулем.

– Алло, Надюш? Привет, дорогая! Ну как, налаживается у вас? – салон заполнил сочный голос Ленки.

– Ленчик, привет, мы тут вдвоем с Лешей, я его везу на работу, – бодро закричала Надя в пространство.

– А, Леш, привет, дорогой!

– Здрасьте, теть Лен.

– Лена, у нас все хорошо, я сейчас спешу, позвоню тебе ближе к вечеру и все обсудим, окей? У тебя все в порядке?

– Да, дорогая, все хорошо. Звони, как время будет. Леш, хорошего дня.

Некоторое время мать и сын молчали.

– Мам, а у вас с папой все в порядке?

– Да, а почему ты спрашиваешь?

– Ну не знаю. Он какой-то мрачный, и вот тетя Лена твоя спрашивает…

– Леш, не говори ерунды. Ты же знаешь, у нас идеальная семья. Мы всю жизнь вместе и всю жизнь будем вместе. На том стоим. – Наде было приятно произносить это вслух. Все-таки мы живем в такое время, когда о прочном браке говорить почти неприлично. А сына именно это Надино отношение к семье очень успокаивало. Детям нужна стабильность, даже когда им почти двадцать – уж это-то Надя знала точно.

– Так, ну все, Алексей Вадимович, приехали. Желаю вам успешного трудового дня. – Надя весело помахала сыну. – Вечером за тобой не приеду, я сегодня к бабушке.

– Ох, ну держись, мам. – Лешка уже вышел из машины и стоял, склонившись перед пассажирской дверью. – Привет ей передай.

– Хорошо, конечно.

Надя бодро стартанула, машину слегка занесло в ледяной луже, но она быстро нашла нужное положение руля и снова влилась в поток. Все-таки хорошо жить в центре: все близко. Хотя летом снова начнутся страдания по проданной свекровью даче…

– Надежда Юрьевна? – Телефон снова ожил. – Это Стецко, помощник Александра Александровича.

– Да, конечно, Юра, я вас узнала. Что такое?

– Звоню сказать, что совещание, в котором вы принимаете участие сегодня, перенесли с трех на двенадцать часов дня.

– Ох, вот это да. Хорошо, Юра, спасибо, что сообщили. Я уже почти в офисе, буду срочно готовиться!

Совещание на самом верху было делом крайне ответственным. Компания большая и богатая, позиции шефа – устойчивые, но все же между департаментами всегда есть определенная ревность. Поэтому Бабаев постоянно подчеркивал, что он и Надя – команда, которая вместе двигает бизнес вперед. О том, что попутно они должны заткнуть за пояс команды других департаментов, вслух не говорили, но это подразумевалось. Сегодня на сводном совещании, куда приглашены главы департаментов и их замы, Наде предстояло делать ответственный доклад, который они готовили почти месяц, но, как водится, окончательные цифры поступили буквально накануне. Упасть в грязь лицом категорически нельзя. Надя подозревала, что их теплые отношения с Бабаевым давно уже стали предметом пересудов. А поскольку каждому не докажешь, что это просто взаимное уважение и товарищество, приходилось свою репутацию безупречного профессионала беречь, как зеницу ока. Хорошо, что она вчера подготовила все нужные слайды. Их осталось только вставить в старый файл и проверить, нет ли каких противоречий…

Телефон зазвонил снова. Кто-то с мобильного.

– Наденька, привет!

– О боже мой… Светка? Ты? – Надя услышала голос давно уехавшей из Москвы подруги и изумленно улыбнулась затору, преградившему ей путь буквально за два квартала до офиса.

– Да, моя родная! Привет! Как же я соскучилась!

– Сколько лет, сколько зим! Свет, ты с русского номера?

– Да, конечно, я ведь вернулась. Я совсем вернулась, Надь. Вот ремонт доделываю на даче в Кратове, помнишь ее?

– О боже, да ты что? Конечно, помню! Обожаю твою дачу! – Надя ощутила острый прилив счастья. Светка! Как давно мы не виделись, боже мой…

– Надюш, приезжай! Прям в эти выходные и приезжай, а? Можешь?

– Ох, Светик, это зависит… У меня сейчас такая гора всего. Если с семьей ввалюсь, нормально будет?

– Это с Вадькой-то? И с сыном? Ну конечно, нормально! С радостью на всех вас посмотрю!

– Светик, дорогая, отлично, договорились. Я ближе к выходным наберу, все решим. Прости, я страшно спешу сейчас. Очень рада тебя слышать!

Утро еще толком не началось, а Надя уже чувствовала себя так, будто попала в поток и ее несет, бурля и слегка шарахая о препятствия, какая-то неумолимая внешняя сила. Этой силе она отдавала каждый день своей жизни с тех пор, как бросила Суриковский институт, выучилась на экономиста и начала делать нормальную карьеру.

Надя припарковалась на корпоративной парковке, отключила телефон от громкой связи, открыла дверцу авто и протянула руку к сумке, лежащей на пассажирском сиденье, как телефон опять зазвонил. Незнакомый московский номер, городской.

– Алло, добрый день! Надежда Юрьевна Невельская? – мужской голос звучал равнодушно и властно.

– Добрый день. Да, это я. – Надя почему-то прикрыла дверь авто и съежилась на водительском сиденье.

– Коллекторское агентство «Долг» беспокоит. Вы супруга Вадима Игоревича Невельского, 1975 года рождения, проживающего по адресу Плющиха, 43–47, квартира 36?

– Да, я его жена. Что случилось?

– Надежда Юрьевна, ваш супруг оформил кредит в микрофинансовой организации и пропустил сроки погашения. Поручителем по кредиту назвал вас. Мы хотим вас проинформировать, что сумма на сегодня составляет девятьсот семнадцать тысяч рублей. Процент прогрессивный, сумма пересчитывается каждый день. Когда долг достигнет миллиона рублей, по договору мы имеем право арестовать жилье и выселить всех, кто там проживает.

– Как арестовать? Что вы говорите?

– Надежда Юрьевна, квартира была предоставлена как гарантия по кредиту. Свидетельство о собственности Вадим Игоревич передал в микрофинансовую организацию. Чтобы получить документы на ваше жилье обратно, долг придется погасить.

– Но у меня нет таких денег…

– По условиям договора, сумма долга, после которой мы имеем право выселить вас из квартиры, будет достигнута в течение двух недель. А именно в понедельник, двадцать шестого марта. Изыщите возможность погасить долг, если других вариантов проживания у вас нет. Вадим Игоревич тоже в курсе сроков, мы его сегодня проинформировали. Номер счета для погашения долга записан в договоре. Мы будем вам звонить. Всего доброго.

Странно, почему так холодно? Надя поправляла шарф на шее, затягивая его туже и туже. Почувствовав удушье, спохватилась, откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза, чтобы успокоиться. Сердце сильно колотилось прямо посередине груди. Она по привычке начала крутить обручальное кольцо на пальце и удивилась тому, как похолодели руки. Вадим… нет, это какой-то абсурд. Не может быть! Она взяла телефон и набрала номер мужа. Прождав десять гудков или больше, нажала отбой. Набрала снова. Нет, не берет. Посмотрела на часы на экране. Ах ты черт, ведь совещание!

Она выскочила из машины, захлопнула дверь и, повесив сумку на плечо, глубоко засунула руки в карманы. Холодно, как чертовски холодно! Подняв плечи и наклонив голову вперед, Надя Невельская пошла по парковке к лифту, в забытьи почти по-армейски печатая шаг.

Глава 5

Лифт. Кнопка восьмого этажа. Еще две минуты, чтобы успокоиться и переключиться. На работе она безупречный профессионал. Эта работа кормит ее и семью. Это главная опора в жизни. Здесь ничего не должны узнать. Все будет хорошо, она справится.

– Наташа, доброе утро! – По дороге к общему ресепшену Наде удалось успокоить дыхание и вынуть руки из карманов, но голос ее звучал как-то глухо.

– А, здравствуйте, Надежда Юрьевна… – Секретарь, сидевшая на ресепшен, всегда отвечала так, будто ее только что разбудили.

– Наташа, сегодняшнее совещание перенесли на двенадцать, вы вставили новые слайды в презентацию?

– Слайды? – Наташа внимательно разглядывала Надю тщательно накрашенными красивыми глазами.

– Вчера вечером я отправила на вашу почту новые слайды для презентации по управлению рисками. И попросила вставить их в презентацию, а потом прислать мне. Вы это сделали?

– Ой, нет, Надежда Юрьевна, я так плохо себя чувствую… не сделала, нет.

Надя помедлила секунду – но не дождалась, когда Наташа скажет, что сделает презентацию сейчас. И спросила:

– Что с вами? Вы заболели?

– Я не знаю. Просто мне так плохо, голова болит, наверно, надо сдать анализы. Я уже записалась по ДМС, вот только что звонила.

– Наташа, вы молодец, что так тщательно следите за своим здоровьем, но сюда мы приходим, чтобы работать. Если вы не можете исполнять свои обязанности, останьтесь дома и вызовите врача. А если вы здесь, мы на вас рассчитываем.

* * *

Оскорбленно выпрямившись, секретарша вздернула тщательно расчесанные брови и молча смотрела, как Надя удаляется по коридору чеканным шагом, странно тяжелым для ее комплекции.

Потом вздохнула, достала из стола пудреницу, проверила макияж, развернула вращающееся кресло от стола, придирчиво осмотрела свои длинные ноги в плиссированной юбке и бежевых лодочках на каблуках, еще раз вздохнула, встала и пошла в туалет.

– Ой, Натусечка, привет! – Перед зеркалом в туалете крутилась кадровичка Алена.

– Привет, дорогая…

– Ты чем-то расстроена? У тебя все в порядке?

– Да голова болит. Уже не знаю, что делать.

– Таблетку пила?

– Нет пока. Наверно, надо. Может, еще и не поможет. Я вообще какая-то квелая. На прошлой неделе была у терапевта, сдала анализы, все вроде в порядке. Хорошо, что у нас корпоративная страховка. А то в поликлинике на меня уже странно смотрят – бегаю и бегаю к ним. А они говорят, что я здорова… В бесплатной меня бы уже, наверно, послали, а здесь терпят. Сейчас вот опять записалась. Ну и тут, конечно, пришла Наденька и на меня наехала.

Наташу и Алену связывал тот вид офисного взаимодействия, который трудно назвать дружбой. За пределами работы они практически не общались, но в рабочее время поддерживали постоянный контакт, часто вместо обедали, обсуждали начальство и коллег, обменивались местными сплетнями и новостями

из внешнего мира. И понимали друг друга с полуслова.

– Да ты что? Что сказала?

– Ну она мне вчера уже в полшестого прислала какие-то слайды, чтобы я вставила в презентацию. Я в это время уже домой собиралась. А утром я пришла в таком состоянии, что мне было не до того, и сразу начала в поликлинику звонить. И вот она приходит и начинается: да как вы можете, да что вы себе позволяете!

– Наденька эта, конечно… Вечно в белом пальто.

– О, точно! Пальто и есть. Синдром отличницы – вечно она самая умная, лучше всех все знает, все успевает, во всем разбирается. И заметь, шеф ее обожает…

– Наденька-Наденька, ага. Может, у них роман?

– Да брось, какой роман, ты ее видела? Вечно в этих своих костюмчиках, которых уже никто не носит, ни одной трендовой шмотки, ни каблуков, и эти ее волосы… Серая мышь, ничего интересного.

– Да кто их поймет, этих мужиков, чего им надо. – Алена придирчиво разглядывала фактуру своих крашенных в блонд волос: блестят или нет? – Кстати, ты слышала, что шеф разводится со своей? Делить будут, а там есть что делить…

– Не-е-е-ет… – Наташа даже руками всплеснула. – Что, правда, разводятся? Из-за чего? У него кто-то появился?

– Ну не знаю, такого вроде не замечено. Похоже, никого у него нет, кроме работы и истории этой, на которой он повернут. Говорят, Юлечка мечтала на курортах время проводить, а он все мотается по регионам, историю семьи раскапывает. Вот она и взбрыкнула. Думала образумить мужика, а он и рад. Ему эта молодая жена с претензиями уже давно надоела, он все свои задачи по части размножения в первом браке решил и теперь хочет жить свободно. Ну, это все слухи, конечно.

– Обалдеть. Вот это ж надо, мужику полтинника нет, и при деньгах, и при должности, уже два развода за спиной… Как думаешь, будет он третью искать?

– Ой, да кто их разберет. Сейчас ему свободы захотелось, а там, может, еще и будет. Но ты прикинь, он Ирке поручил забронировать ему отель в Смоленске. В Смоленске, Наташ! Вот это отдых мечты, реально. Какой смысл быть замужем за бизнесменом, если он все свободное время проводит в лесах, по уши в грязи, а жене остается либо одной дома куковать, либо мотаться по провинции. Скукотища же!..

– Ха, ты представь, всего четыре года назад они женились на озере Комо. А потом такой облом… ни одного отпуска за границей. Хотя возможностей куча… Бедная Юлечка, ага…

* * *

Надя работала в этой компании уже одиннадцать лет, из них последние три с половиной – в отдельном кабинете. Она поднялась по служебной лестнице до должности зама начальника департамента, и больше ей, пожалуй, не светило – по крайней мере, пока не пойдет на повышение Бабаев. Но уже на уровне директоров департаментов прослойка «своих людей» становилась настолько плотной, что надеяться на это было не очень разумно. Надиной зарплаты хватало на содержание семьи, кое-какие подарки, отпуска у моря и помощь бабушке. Никаких запасов создать почему-то не удавалось, но нынешнее положение дел в принципе всех устраивало – только свекровь иногда жаловалась, что «дети» ей мало помогают. После кончины свекра избалованная шикарной жизнью лауреатской жены Майя Васильевна стала капризной и придирчивой. Несмотря на то, что созданные старшим Невельским ресурсы были очень впечатляющими, она постоянно жаловалась на материальные трудности и пыталась что-то продать – так, например, Невельские лишились старой обжитой дачи, на которую, впрочем, Вадим чаще ездил один, повидать отца и поговорить об искусстве…

Господи, что же мне теперь делать? Миллион. Где же его взять за такой срок. В банк за вторым кредитом? Не дадут, она же этот еще не погасила. Продать машину? Не вариант. Она уже столько не стоит, да и на работе начнутся разговоры. А этого допустить никак нельзя. Работа – не то место, где тебя будут любить. В этом террариуме единомышленников показать слабость – значит

потерять все. А она единственный добытчик в доме.

Обычно Надя с удовольствием совершала свой утренний рабочий ритуал. Войти, поставить сумку на приставной столик, снять пальто, повесить в шкаф, размотать шарф и положить его на сумку, осмотреть орхидеи, сесть за стол и, откинувшись на минутку на спинку кресла, мысленно прокрутить расписание нового дня: разбор почты, проверка поручений, совещание, иногда выезд к важному клиенту… Это было хорошее время, оно наполняло Надю сознанием значимости того, что она делает. Ведь, как ни крути, хорошо работать только ради денег сложно. А найти поэзию в ее повседневной деятельности было трудновато. Ну, не всем же быть творцами и поэтами.

Сегодня времени на ритуалы не было. До совещания оставалось два часа, и хотя презентация была почти готова, устранение этого «почти», как водится, стало самой нервной и ответственной частью процесса. Сегодня она защищает проект, который требует приличного бюджета и обещает им с шефом триумфальное завершение года. Эта инициатива заставит парней из других департаментов кусать локти от зависти – если ее правильно представить на совещании. Надежда Юрьевна, сосредоточенно нахмурившись, открыла нужный файл и постаралась представить себя в зале, в центре внимания всех этих коллег, которых ей предстоит удивить. В каком порядке лучше изложить факты? Слайды, которые так долго согласовывали, казались бессмысленными. Мысли разбегались. Надо взять себя в руки. Она сможет. Она обязательно справится. Шарф остался на шее, сумку она не глядя сдвинула на привычное место. Орхидеи, лишенные утренней ласки, обиженно замерли на подоконнике.

* * *

– Надя, какой же вы все-таки молодец. Как мне повезло иметь в команде такого бойца. – Шеф смотрел на нее чуть ли не с нежностью. – Вы же им всем показали, как делают дела!

– Спасибо, Александр Александрович. – Надя устало выдохнула.

В кабинете, кроме них, никого не было. Сложное совещание «на самом верху» закончилось триумфом небольшой команды: сам президент заявил, что департамент управления рисками продемонстрировал умение мыслить стратегически и, возможно, даже проложил путь к будущим прорывам всей

компании. Доклад Нади был немногословным, предельно логичным и простым по форме, а потому произвел особенное впечатление на собравшуюся на верхнем этаже непростую публику. Курсы риторики она проходила не зря. Осталось не так много: взять и воплотить задуманное.

Спустившись на свой этаж, Надя с шефом прошли мимо сомнамбулической Наташи в его кабинет, чтобы по горячим следам обсудить календарный план проекта.

Шеф оживленно расхаживал вдоль стола для совещаний, за которым сидела Надя, и рисовал радужные картины будущего. А Надя откровенно поплыла. Она сидела, выпрямив спину и крутя обручальное кольцо, и думала только о том, чтобы не заснуть. Выступление, похоже, отняло у нее все силы: еще час назад она блистала с презентацией, а сейчас ей не хотелось ничего, кроме горячего чая с сахаром (она не пила такого уже много лет), теплого пледа и чтобы ее никто не трогал. Но на часах было всего пять, и она старательно вслушивалась в исполненную энтузиазма речь шефа.

– Новое направление потребует привлечения лучших кадров. Возглавить проект придется мне, но я на вас, Надя, очень рассчитываю. Надо подобрать лучших из тех, кто у нас есть. Что вы думаете о Логинове?

– Навскидку трудно сказать. Специалист он хороший, но характер довольно неустойчивый. Логинов требует внимания и деликатного обращения.

– Верно. Ну, мы его с кем-нибудь поставим в пару.

Повисла пауза. Надя понимала, что должна сразу предложить вариант решения, но была не в состоянии придумать ничего. Совсем ничего.

– Надя, вы хорошо себя чувствуете? – Шеф выглядел озабоченным.

– Да, спасибо. Голова немного болит, но это ерунда.

– Это не ерунда, – возразил Бабаев, который на каждом корпоративе вспоминал лермонтовское «слуга царю, отец солдатам». – Вы сегодня сделали большое дело, устали, вам надо отдохнуть. Знаете что, идите-ка пораньше домой.

– Спасибо большое, но у меня еще остались текущие дела. Я бы лучше сейчас спокойно с ними разобралась, а завтра снова в бой. Буду готова к планированию проекта.

– Хорошо, Надя, идите. Постарайтесь не разболеться, сейчас март, время коварное. Обещаете?

– Торжественно клянусь! – улыбнулась она, надеясь, что не выглядит совсем уж развалиной.

Вернувшись в кабинет, Надя снова набрала номер мужа. Ответа не было.

Глава 6

Из-за бабушкиной болезни обычное расписание было нарушено: закупка продуктов в выходные сорвалась, и Наде пришлось ехать в магазин по дороге с работы в больницу. Поискав место на парковке у нарядного круглосуточного супермаркета, она ощутила прилив злости. Цены тут нерядовые, но, если у вас нет времени рулить в «Ашан», извольте мыкаться, искать, куда приткнуть машину на десять минут. Но по дороге в больницу более удачного магазина не было. Решив объехать квартал, Надя увидела, что шлагбаум на въезде во двор поднят. Вот это удача! Быстро нырнув в открытый проезд, она припарковала машину на свободном месте – вечер только начинался, и не все проживающие здесь автомобилисты вернулись домой. Двор был старый, заросший узловатыми деревьями и разлапистыми кустами. Программа реновации сюда пока не добралась. В пятидесяти метрах от Яузы стояли невзрачные малоэтажные домики, обитатели которых по давнишней традиции до сих пор летом развешивали во дворе белье на веревках, натянутых между ушастыми металлическими столбами.

Может, я с ума сошла, если покупаю в «Азбуке вкуса» за две недели до того, как нас выселят из квартиры? Надя шла по проходам с большой тележкой и складывала в нее все, что попадалось под руку. Как там говорила Скарлетт О’Хара? Я подумаю об этом завтра. Сейчас мне надо ехать в Первую Градскую к бабушке, а бабушка любит винегрет из «Азбуки вкуса». И я его куплю.

Вслед за упаковкой развесного винегрета в корзине очутились миндальное печенье, красивая банка с чаем, пачка молотого кофе, пара чесночных багетов, сыр, мясо, яйца, сметана, молоко, сливки, апельсины и конфеты, минеральная вода, рыба, овощи – к моменту, когда Надя достигла отдела с косметикой, корзина была заполнена наполовину. О счете она не думала. Она вообще ни о чем не думала – просто шла и шла, чувствуя, как холод бежит по спине и стынут пальцы, шея становится неподвижной, а глаза теряют фокус и реагируют только на самые яркие пятна, как будто прорывающиеся в ее реальность сквозь туман. Яркое розовое пятно с какими-то синими строчками на нем. Надя протянула руку. Прохладная банка была увесистой и объемной. Такое в карман не поместится. Она оглянулась. Никто не смотрит. Быстрым движением Надя сунула банку в висящую на локте сумку и пошла к кассе.

Выкладывая покупки на ленту транспортера, Надя почти успокоилась. Кассир меланхолично сканировала упаковки, помощник за кассой аккуратно складывал их в пакеты. Следующим в очереди к кассе стоял задумчивый блондин средних лет – высокий, в неприметной темной одежде. Он скользнул по Наде заинтересованным взглядом и сразу отвел глаза в сторону.

– Гражданочка, можно вас на минутку?

Надя уже расплатилась картой, когда невесть откуда взявшийся охранник взял ее за локоть.

– Что случилось? Почему вы меня трогаете?

– Камеры зафиксировали, как вы положили в сумку крем в отделе косметики. Пройдемте, надо разобраться.

– Это недоразумение! Я оплачу! – Надин голос звучал истерично и звонко.

– Пройдемте, гражданочка. – Охранник крепче сжал пальцы на ее локте и кивнул следующему в очереди блондину в темном:

– Привет, Михалыч.

– Привет. Помощь нужна?

– Да нет, справимся.

Надя успела схватить одной рукой три тяжелых пакета с покупками и, подталкиваемая охранником, вышла из зала в узкий, выкрашенный зеленой масляной краской коридор.

* * *

Ярко-розовая банка стояла на письменном столе рядом с монитором, на котором в отдельных квадратиках были видны все проходы магазина.

– Крем для лица с арбутином и плацентой Roland, производство Япония, цена тысяча триста девяносто руб лей. – Сидящий за столом человек поднял на Надю холодный взгляд.

– Ну вы же понимаете, что это случайность. – Надя старалась говорить очень спокойно. – Я только что оставила на кассе почти восемь тысяч рублей и этот крем тоже, конечно, могла оплатить. Я просто ошиблась, не положив его в корзину.

– Мы за вами очень пристально наблюдали, гражданочка. Вы же не просто не положили крем в корзину. Вы оглянулись, не смотрит ли кто, и убрали его в сумку. – Наде показалось, что в помещении внезапно запахло сгоревшим маслом. Опять этот ужасный запах, откуда он здесь? – Вот смотрите.

На черно-белой записи было отчетливо видно, как Надя не спеша обходит стеллажи косметического отдела, берет в руки банку и оглядывается. А затем сует проклятый крем в сумку.

– Послушайте, ну простите меня, пожалуйста. Я правда ошиблась. Я очень устала на работе. У меня умирает бабушка, я сюда приехала, чтобы купить ей гостинцы в больницу. Там в Первой Градской меня пускают до восьми, мне надо успеть. Смотрите, видите тут апельсины? И винегрет, она очень любит именно ваш винегрет, я за ним специально приехала. – Надя судорожно копалась в пакетах, словно предъявление конкретных продуктов могло смягчить сердца этих двоих, охранника и второго, кто он здесь? Менеджер? – Пожалуйста, позвольте, я все оплачу. Я приличный человек, у меня работа, семья, ну

посмотрите на меня, вы же сами все видите. Я не воровка. Мне совершенно не нужен этот проклятый крем.

Мужчины смотрели на нее молча, никак не реагируя и будто бы ожидали продолжения.

– Ну пожалуйста, давайте я все оплачу. Вот. – Надя открыла кошелек и вынула пятитысячную купюру. Положила ее на стол.

Никакой реакции.

Она порылась в кошельке, вынула все бумажные деньги, которые там еще оставались, – чуть больше тысячи, – и выложила их на стол.

– Все, больше у меня ничего нет.

– Гражданочка, ну вы же понимаете, это смешно. Вам же срок грозит. Это кража. А вы решили откупиться шестью тысячами рублей? – Человек, сидевший за столом, казалось, получает удовольствие от разворачивающейся сцены.

Раздался короткий стук в дверь:

– Коллеги, приветствую! Можно?

Блондин из очереди, которого назвали Михалычем, уверенно вошел в кабинет.

– Ну как тут у вас? Проблемы?

– Да нет, Михалыч, мы с дамочкой уже разобрались, – ответил охранник, почти незаметно смахивая кучку купюр в ящик стола. – Идите. И имейте в виду, что такие оплошности иногда плохо заканчиваются. Сегодня вам просто повезло.

Надя схватила свои пакеты и молча вышла из кабинета. Быстро, быстро, где здесь выход? Она почти бежала по узкому зеленому коридору, заплутала, оказалась в тупике, повернула назад и наконец, почти задохнувшись от запаха горелого масла, вышла на улицу. От ужаса и безысходности ей захотелось выть.

* * *

– И вот пойди пойми, чего им надо, этим бабам? – охранник задумчиво оглядывал заднее крыльцо магазина, куда вышел покурить с Михалычем. – Веришь, нет: через день попадаются, и ведь все прилично одетые. Кто конфеты пытается стырить, кто бутылку вина. А платить за это все нам из зарплаты. Цены ты в курсе, какие здесь. Ну что за люди…

– Коль, ну ты же взрослый мужик. И все еще удивляешься, – сочувственно вздохнул Михалыч.

– Да конечно, ты в своей уголовке, небось, такое и за преступление не считаешь. У тебя дела помасштабнее.

– Нечисть – она и есть нечисть. Порядочный человек воровать не станет, даже если это спичек коробок. Жалеешь, что отпустил ее?

– Да нет, конечно. Там сумма-то была… на административку тянет. Вот если бы она бутылку французского вина стырила, как на прошлой неделе – там разговор мог быть другим. Прикинь, мы двадцать тыщ сняли с дамочки в шубе, которая какой-то коллекционный пузырь прихватила. Вот там реально было что обсуждать. А здесь…

– Ну и правильно. Всех подряд в отделение таскать – мы протоколы писать замучаемся. Как сам-то, Коль?

– Да все нормально, потихонечку. Оксанка работает, дети растут. Сонька о велике мечтает. Сашка думает, куда податься после школы. Вроде в армию собрался – чтобы побыстрее и без геморроя устроиться. А у тебя что?

– Да как-то ничего.

– В личном-то ничего не поменялось?

– Коль, ну было у меня уже все в личном. Повторять не хочется. А сейчас вообще не до того. Я как матери не стало, вообще никого видеть не хочу.

– Паш, дружище… Надежда Васильевна святая была женщина. А как она на рояле играла. Я до сих пор помню, как мы после школы у вас дома тусили, и эту ее музыку…

– Скоро год, как похоронил. Надо памятник ставить. Веришь, нет, я на кладбище за этот год был четыре раза. Вроде пока я не там, она живая и просто вышла куда-то… – Михалыч вскинул голову и точным движением отправил окурок в урну. – Ладно, Коль, я пойду. А то ты меня плохому учишь. Я давно не курил.

– Вот и не кури. Заглядывай, Паш. Мы тебе рады будем.

– Спасибо, как-нибудь зайду. Привет своим передай.

* * *

Почти добежав до машины, Надя сунула пакеты в багажник и села за руль. Ее колотило. Ледяными пальцами она поправляла неизменный шарф: туже, еще туже. Черт побери. Все плохо. Хуже, чем она ожидала. Раньше это никогда не случалось так часто. Психотерапевт сказал, чтобы это прекратилось, нужно уменьшить стресс. Чем? Валерьянкой? Афобазолом? Его, кажется, хвалят эти одинаковые девочки из кадров и с ресепшена. Стресс сейчас у всех, все разбираются в успокоительных. Никакого отпуска не предвидится еще долго – да и пока бабушка в больнице, о каком отдыхе может идти речь? Надя тяжело дышала и крутила обручальное кольцо на пальце. Повезло, ей повезло. Ее отпустили. Ну все, пора ехать.

Она направила машину к выезду из двора и обнаружила, что шлагбаум опущен. Двор чужой, ключа у нее нет и спросить не у кого. Надя подъехала поближе и, опустив стекло, нажала на кнопку вызова диспетчера. Никто не отозвался. Посмотрела на часы: половина восьмого. До Первой Градской по пробкам минут двадцать, да и позже ее, наверно, пропустят, хоть это и труднее. Но не оставаться же ей здесь, в этом проклятом дворе… Надя нажала кнопку еще и еще раз.

В динамике что-то хрюкнуло, и раздраженный голос ответил:

– Слушаю!

– Выпустите меня, пожалуйста, я перед шлагбаумом стою.

– Адрес какой?

– В смысле? – растерялась Надя. Она была уверена, что диспетчер где-то рядом.

– Адрес, где стоите?

– Николоямская набережная, тут переулок рядом, «Азбука вкуса»…

– Понятно. Ну стой, жди, сейчас наряд вызову. В чужих дворах паркуются, паразиты проклятые… Сейчас тебе гайцы покажут, как правила парковки нарушать, – динамик замолчал.

Еще секунду Надя думала, что это была просто шутка, но шлагбаум и правда остался неподвижным. Зазвонил мобильный – когда рядом не было Лешки, она обычно не подключала его к громкой связи. Надя взглянула на экран: «Мать». Этого еще не хватало. Она нажала на боковую кнопку, чтобы заглушить звук, и швырнула телефон на пассажирское сиденье. Господи, что же делать-то? Что за день?!

* * *

С другой стороны шлагбаума Павел неторопливо приближался к своему дому. Разговор с одноклассником получился невеселый, но расстраиваться глупо. Впереди вечер, у него есть новая хорошая книга, так что все будет хорошо.

На выезде из двора стояла темная иномарка, путь которой преграждал шлагбаум. Фары заливали мартовские лужи желтым светом, решетка радиатора была необычной – Прохоров точно знал, что в их дворе таких машин не было. «Альфа-Ромео», ты глянь. Редкая птица. Цвет неброский, то есть куплена не для понтов, а для собственного удовольствия. А что это она, собственно, здесь стоит и не выезжает?

Приблизившись, Павел разглядел в водителе авто ту самую дамочку из подсобки «Азбуки вкуса». Вцепившись в руль, она смотрела вперед невидящим взглядом,

бледная и отчаявшаяся. Прохоров быстро понял, в чем дело, и, достав из кармана брелок, поднес к сенсору. Шлагбаум полез вверх. Секунду спустя «Альфа-Ромео», агрессивно взвизгнув, обдал Прохорова ледяной кашей из лужи и резко выскочил со двора. Следователь тяжело и неодобрительно посмотрел вслед машине и прошел к крайнему подъезду старого пятиэтажного дома.

Глава 7

Прохоров поднялся на второй этаж и открыл дверь, стараясь не прислушиваться к звукам из-за двери. Их там не было и быть не могло: матери не стало почти год назад, а других жильцов в этой квартире не водилось.

Когда Прохорову было двадцать четыре, он женился и привел в дом Тому. Шикарная женственная фигура, чувственные губы и густые, длинные крашеные волосы делали его жену предметом зависти всех проходящих мужиков. Но характер у Томы был дрянь. И это стало ясно почти сразу после свадьбы, увенчавшейся ночью любви, в которой до загса Павлу было многократно отказано. Старый принцип «не давать молока, чтобы купили целую корову» с молодым милиционером, увивавшимся за девушкой целый год, сработал безотказно. Но вот стоило ли оно того… Тамара была жесткой, капризной, неряшливой и к тому же любила пользоваться своим обаянием. Точнее, даже не пользоваться – а просто демонстрировать его по любому поводу, без всякой практической цели. Ей нравилось, когда «мужики шеи сворачивали», и арсенал ее был прост и надежен: юбки покороче, штаны в облипку, красная помада и частый жизнерадостный смех, позволяющий показать роскошные белые зубы. В постели у молодых не то чтобы не заладилось… Но той страсти, на которую намекала внешность молодой жены, Прохорову не досталось. В интимные моменты у Томы часто делалось равнодушное лицо, она смотрела в стенку и мелко-мелко дышала, пока муж прилагал активные усилия, чтобы его любимой женщине стало хорошо. Секс чаще всего заканчивался тем, что Павлу становилось стыдно за свою горячность, а Тома напускала на себя вид поруганной добродетели и стремилась скорее сбегать в душ и одеться. Она даже летом спала в ночнушке, будто обороняя свое роскошное тело от мужниного интереса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lirnik_natal-ya/tonkiy-tayuschiy-sled

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить